

Отзыв официального оппонента

кандидата исторических наук, доцента Сергея Семеновича Тихонова,
старшего научного сотрудника Омской лаборатории археологии, этнографии и
музееведения Института археологии и этнографии СО РАН

о диссертации Евгения Владимировича Русланова
«Береговский археологический микрорайон в системе
древностей Южного Урала» (Уфа, 2019),

представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.06 – «Археология» в диссертационный совет Д 212.038.12
на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Насколько я знаю, Евгений Владимирович Русланов занимается проблемами изучения археологических микрорайонов (далее – АМР) чуть менее 10 лет, и уже получил первый значимый результат, показав на археологических материалах Южного Урала возможности и перспективы изучения этого археологического феномена.

Считаю, что актуальность направления научных исследований, связанных с АМР (и шире – с local community) несомненна, поскольку это новый подход к археологическим древностям, существенно отличающийся от традиционного изучения археологических культур. Его «изюминкой» есть анализ ограниченных территориально памятников на большую хронологическую глубину. Это позволяет заниматься не только типологией, классификацией, датировкой и т.д. раскопанных материалов, но и ставить и решать вопросы палеодемографии, палеоэкологии, палеоэкономики и им подобные не в общем, не на широкой территории и с относительно коротким хронологическим этапом, как при изучении археологических культур, а локально и более конкретно.

С актуальностью связана и научная значимость темы, с развитием которой могут быть детальнее разработаны аспекты прошлого, связанные с

необходимостью проведения работ интерпретационного характера, требующих привлечения материалов смежных и естественно-научных дисциплин.

Но перейдем к собственно к диссертации. Ее структура обычна для подобного рода работ:

- введение с соответствующими разделами (актуальность, научная значимость, методика-методология, источники и т.д.);
- три главы, где изложена суть работы, заключение с основными выводами;
- приложения со списком использованных полевых отчетов, диссертаций и авторефератов (отмечу, что использование этих материалов характерно не для всех исследователей), литературы (в том числе и на иностранных языках, что само по себе положительно характеризует соискателя), таблицами и результатами проведенных автором анализов керамики, металла, камня и т.д., описание памятников.

Отмечу, что содержание автореферата соответствует тексту диссертации, а обе этих рукописи не нарушают формальных требований для оформления таких работ. Поэтому с этой стороны у меня претензий к соискателю нет.

Очень интересна глава 1, посвященная истории и методике исследования АМР. Само по себе это серьезный шаг вперед в деле изучения АМР, и в целом я не против предложенной концепции, однако на ее некоторые положения у меня представления несколько иные. Е.В. Русланов считает, что процедура изучения АМР начинается с воронежской конференции 1990, организованной и проведенной А.Д. Пряхиным, а далее исследования стали проводить сибирские ученые в Омске, Новосибирске, Тюмени и других городах (с. 13-20 диссертации). Это так.

Но я бы выделил особо как этап изучения АМР предысторию его изучения – т.е. время, когда ученые работали на памятниках конкретных АМР (на Урале, в Сургутском Приобье, Байкале, Притомье, Алтае и т.д.) решая другие задачи, но формируя методику изучения АМР, заключающуюся, в том числе, и в проведении долговременных работ в небольшом регионе.

Тогда предтечами в области полевого исследования АМР можно было бы назвать С.А. Теплоухова (раскопки в Батенях Красноярского края 1920 гг.), М.П. Грязнова (раскопки на Большой речке, Алтайский край, 1940 гг., на Ольхоне, Байкал 1950 гг., Тепсее, Красноярский край, 1970 гг.). Думаю, что не следует считать, что С.А. Теплоухов и М.П. Грязнов совместно работали на Енисее. В те годы М.П. Грязнов был студентом после первого курса и увидел раскопки первый раз.

А завершат ряд «предисследователей» АМР В.И Матющенко (Самусь, Еловка в Томской области 1950-1970 гг., Окунево в Омской области – 1980-1990 гг.), В.Ф. Генинг (Барсова гора близ Сургута, 1970 гг. и позднее) и Е.Е. Кузьмина (Еленовка, Ушкатты, 1960-1970 гг. Южный Урал).

Историографический раздел заканчивается выявленными автором диссертации и до сих пор нерешенными проблемами АМР: его определение, компоненты, входящие в АМР, его границы и пространственные связи.

Второй параграф главы еще более интересен, поскольку касается методики изучения АМР (с. 20-25). Здесь соискатель рассматривает уровни методологии, поясняет свое отношение к категории археологический источник, раскрывает методы работы. Кратко автор касается методологии и во введении (с. 8).

Эти рассуждения не противоречат современным отечественным разработкам и могут быть применены как методологическая и методическая базы для работ. Однако, мои работы в области этноархеологии и исследования этнографо-археологических комплексов позволяют предполагать, что может быть и иное представление о методике-методологии. Так Е.В. Русланов относит к уровню методологии системный метод, структурно-функциональный, моделирования, реконструкции и т.д. (с. 21), потом говорит о конкретно-научных методах.

Полагаю, что можно задуматься и о таком варианте. К методологии отнести системный метод в варианте Л. фон Бергаланфи поскольку в нем заключены правила построения системы, иерархии ее элементов, структура

внутренних связей, и это дает основания для конструирования АМР как системы. К методологии я бы отнес и теорему Гёделя о неполноте, которая обосновывает использование данных смежных наук в аксиоматических системах. А ведь Е.В. Русланов их постоянно привлекает. К сожалению, адаптация этой теоремы для археологии и этноархеологии пока незавершена. Все остальное считаю относящимся к методам, поскольку они не обосновывают теоретически характер исследования, а объясняют процесс обработки и анализа археологических материалов. Причем методы можно разбить на две группы: для описания-классификации материалов и для их интерпретации.

Что касается характера археологического источника и двойного разрыва ... (с. 23 и далее), может быть стоит более внимательно обсудить это положение, высказанное Л.С. Клейном в 1978 году. Работа с этноархеологическими материалами показывает, что для ряда феноменов прошлого (системы путей сообщения, половозрастной структуры, узлы на веревках) мнение о двойном разрыве не всегда оправдано. Но повторяю, что и позиция Е.В. Русланова может быть принята.

Следующий раздел первой главы посвящен характеристике АМР Южного Урала (с. 26-42). Здесь показана история их изучения и выделения, попутно отмечу существенный вклад диссертанта в этой области. Это, фактически второй слой диссертации, первый же посвящен теории и методике изучения АМР, и выполнен он хорошо. Автор свободно владеет материалом, и рассматривает важные вопросы о корректности выделения АМР. В частности Казбурунского и Мурадымовского, и отношения Юмаковского АМР к Береговскому АМР. Ревизия имеющихся АМР, конечно, необходима, поскольку на гребне процесса их изучения, многие АМР были выделены произвольно. Это произошло вследствие слабой доказательной базы существования АМР, отсутствия процедуры определения их точных границ, двойственного восприятия АМР. Автор же справедливо настаивает на соблюдении процедуры их выделения и исследования (с. 41).

Здесь же приведена типология АМР: долинные, старичные, меандровые, озерные и прочие (с. 41-42). Я не уверен, что это типология именно АМР. Скорее речь идет о классификации мест их расположения, а не собственно типологии АМР. В качестве примера сошлюсь на мнение И.Г. Глушкова и В.И. Матющенко.

Завершив историческую и методолого-методическую часть исследователь переходит к рассмотрению конкретного АМР – Береговского. Считаю оправданным приведение еще одной истории изучения (с. 44-62), в данном случае этого АМР, а также описание его природно-географических условий (с. 47-50) и палеоэкологии и палеогеографии (с. 51-62). К этому разделу у меня вопросов нет. Но еще раз скажу, что здесь автор показал свою эрудицию и обширные знания в области географии, палеоклиматологии, палеоэкологии.

В третьей главе проведен анализ конкретных материалов Береговского АМР в разные эпохи (с. 63-165). Наиболее подробно рассмотрен бронзовый век, поскольку именно в это время территория АМР была заселена наиболее плотно. Добротному анализу материалов способствовали хорошие знания соискателя в этой области. Считаю успехом Е.В. Русланова построение локальной (для Береговского АМР) периодизации и датировку имеющихся периодов именно для локальной территории. В целом это позволяет избежать дискуссии о хронологии отдельных этапов. Как пример приведу споры ученых об алакульских и федоровских памятниках в Южном Зауралье.

Отрадно, что доказано наличие хронологических реперов – псалиев, подвесок из раковин, металлических листовидных подвесок (с. 79-81), а также материалов, позволяющих синхронизировать комплексы: очковидных подвесок и черешковых наконечников стрел (с. 81-82).

Хозяйственная адаптация показана на разных материалах – керамическом производстве, металлургии, скотоводстве, обработке камня. К этим разделам у меня нет замечаний, кроме двух. Когда Е.Н. Русланов говорит о гончарстве, он приводит сведения о нескольких рецептурах глиняного теста. Я ожидал в дальнейшем развития этого сюжета в разделе о демографии в плане наличия

нескольких родственных (?) групп населения, осваивавших АМР, но, очевидно, автор решил этот аспект не рассматривать.

Второе замечание о скотоводстве. Мне показалось, что на с. 129 какая-то опечатка, т.к. написано, что КРС тяжелее овцы в 6 раз, лошади в 5,5 раз (т.е. лошадь имеет почти тот же вес, что и овца?). Не уверен, что это так.

И второе замечание, скорее, вопрос о свиноводстве. Насколько я знаю, то определить домашнюю свинью не всегда просто, поэтому часто такие кости определяют как принадлежащие *sus sp*, оставляя на усмотрение исследователя мнение об их одомашненности. Если специалисты сумели определить наличие домашней свиньи, то это, несомненно, успех исследований.

Сюжеты, касающиеся археологии Береговского АМР в раннем железном веке и средневековье присутствуют, но поскольку памятников этих эпох немного, им у немного уделено места. Соглашусь с мнением автора, что в эти времена территорию осваивают кочевники, памятники которых не всегда сохраняются. Полностью согласен и с тем, что для позднего средневековья материалы плохо датируются. Это прослеживается и на сибирских памятниках.

Последний раздел главы посвящен палеодемографии. Опять-таки автор показывает знания и умения в этой области, да и выводы не противоречат имеющимся результатам. Но...несмотря на то, что автор использует несколько апробированных разными учеными его выводы можно оспорить, поскольку в отечественной науке не решена глобальная задача о корректности исходных данных и о достоверности применяемых коэффициентов (типа возраст дожития, нормы площади на человека, смертность в возрасте N, выход биомассы с единицы пастбищ и т.д.).

Это не значит, что не надо заниматься палеодемографией, наоборот ей надо заниматься интенсивней, и я поддерживаю и приветствую разработку диссертанта в этой области.

В заключении приведены основные выводы по исследованию, показывающие, что поставленные задачи соискателем выполнены, а положения, вынесенные на защиту полно раскрыты.

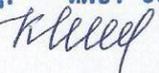
Полагаю, что в лице Евгения Владимировича Русланова мы видим состоявшегося ученого, способного решать сложные вопросы, археологии, знающим как историю, так и методологию этой науки, владеющим способами получения и анализа археологического материала. Подчеркну его изрядные знания археологической литературы, а также конкретных археологических источников.

Считаю, что работа Е.В. Русланова полностью соответствует «Положению о присуждении ученых степеней...», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации, а сам он, бесспорно, заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 - Археология

Официальный оппонент, к.и.н., доцент,

снс Омской лаборатории археологии,

этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН С.С. Тихонов

07.10 2019
ЗАВЕДУЮЩАЯ ЗАВ. КАНЦ. ИАЭТ СО РАН
М.А. КРИВКОВА

Сведения об организации: Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН

Адрес учреждения: 644024, Омск, пр. К. Маркса 15/1

Тел. учреждения: 8(3812)371749

Электронная почта: tomil65@rambler.ru

Тел. оппонента личный: 8-906-992-74-23

Тел. оппонента рабочий: 8(3812)371748

Электронная почта оппонента: semchi957@gmail.com